

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/19988613/80/18

**«Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник
для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.:
анализ полноты и репрезентативности данных**

Екатерина Максимовна Мишина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, zyu@inbox.ru

Аннотация. Анализируются возможности использования «Книг памяти» жертв политических репрессий в качестве источника по истории репрессий середины 1930-х гг. на примере конкретных регионов. В первой части статьи рассматриваются проблемы и методы составления «Книг памяти». Во второй части анализируется полнота «Книг памяти» по сравнению с опубликованной статистикой, а также «степень репрессий» в различных регионах – отношение количества репрессированных в регионе к данным переписи 1937 г.

Ключевые слова: «Книги памяти», политические репрессии, базы данных, репрезентативность, статистика жертв репрессий

Для цитирования: Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162. doi: 10.17223/19988613/80/18

Original article

**Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims
“Books of Memory” as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror
Victims in 1935–1937**

Ekaterina M. Mishina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zyu@inbox.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of possibilities of using the “Books of Memory” of political terror victims as a source on the history of repression in the USSR in the mid-1930s in concrete regions. The aim of the article is to test informational potential of different “Books of Memory”. The author analyses completeness and representativeness of data in regional “Books of Memory” to answer a question: can we use these books to reconstruct a social portrait of terror victims in enlarge regions that existed in the mid-1930s (such as Western or Eastern Siberian Region)? The first part of the article deals with the problems and methods of compiling “Books of Memory”: why only part of victims known from statistics is represented in these books and how can we collect all already known names in a unite database. The author concluded that not every “Book of Memory” could be a representative source for studying repressions in concrete regions because some of them consist of only those victims who were sentenced to death. In some books, there are no data about dates of arrest and conviction, so these records are not shown in search. The second part analyzes the completeness of the “Books of Memory” in comparison with the published statistics provided by historian O. Mozokhin from archival documents. The part also reviews a “degree of repression” in various regions. It was calculated as the ratio of the number of terror victims in certain regions according to the statistics provided by O. Mozokhin to the total population of the region according to the census of 1937. The «degree of repression» is one of the factors in choosing the region for analysis, but also the source analysis of the corresponding “Books of memory” is necessary. The author selects one enlarge region with high “degree of repressions” – Western Siberia – that consisted of territories of future Altai Region with Oirot autonomous region, Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Regions to complete the goal of research. Then author compares statistics of terror victims in these regions with the number of records in their “Books of Memory”. The analysis shows that only books of Altai (with Oirot) and Tomsk Region could be representative source for reconstruction of a social portrait of terror victims in Western Siberia in 1935–1937. The conclusion of the research is that it is possible to use only a few “Books of Memory” for analyzing the repressions of 1935 – early 1937 because of completeness of

their data. Also nowadays, it is difficult to use “Books of Memory” as a source to study social characteristics or terror victims in enlarged regions and we need to choose books of certain regions after analyzing their representativeness.

Keywords: “Books of Memory”, political repressions, database, representativeness, statistics of terror victims

For citation: Mishina, E.M. (2022) Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims “Books of Memory” as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror Victims in 1935–1937. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 152–162. doi: 10.17223/19988613/80/18

При рассмотрении 1930-х гг. в историографии период с убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. до начала Большого террора в июле 1937 г. редко выделяется в отдельный период репрессий. Обычно это время связывают с подготовкой и проведением Московских процессов и борьбой с остатками оппозиции, постепенным ужесточением репрессивной политики. Однако не ставится вопрос, в какой мере репрессии этого периода затронули широкие массы населения. Чтобы проанализировать эту проблему, необходимо изучить социальные и демографические характеристики репрессированных. В настоящий момент источником, содержащим массовые биографические данные о жертвах террора, являются «Книги памяти».

В данной статье анализируется информационный потенциал «Книг памяти» за период 1935–1936 гг.

С конца 1980-х гг. «Книги памяти» жертв политического террора выпускаются во многих республиках и областях бывшего Советского Союза. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в заключение, насильственно депортированных и высланных, мобилизованных в трудармии. Такие книги выпускались небольшими тиражами (от 100 до 1 000 экземпляров) и практически не поступали в продажу. С целью популяризации «Книг памяти» общество «Мемориал» в 1998 г. приступило к созданию единой базы данных, сводя вместе информацию из региональных «Книг памяти». В 2007 г. «Мемориал» выпустил в свет четвертое издание диска, на котором собрана информация о 2 614 978 репрессированных за весь советский период [1].

Сравнение количества собранных в базу данных справок о репрессированных с «умеренными общими статистическими оценками» привело создателей базы данных к выводу, что им удалось объединить вместе примерно 20% от общего количества жертв государственного террора в СССР.

Существует несколько мнений по поводу масштабов советского террора. Большинство исследователей, оценивая масштаб репрессий, опирается на справку Спецотдела МВД СССР конца 1953 г. на имя Н.С. Хрущева. Согласно этой справке, в сумме с 1921 по 1938 г. и с 1939 по 1-е полугодие 1953 г. в СССР за контрреволюционные преступления – по статье 58 – были осуждены более 4,5 млн человек, из них 800 тыс. приговорены к расстрелу (681 тыс. человек расстреляны в ходе Большого террора) [2. С. 608–609]. Эта цифра не учитывает репрессированных в «административном», а не «судебном» и внесудебном порядке, высланных и депортированных. Другой взгляд на статистику жертв советского террора предлагает «Мемориал». Первый

председатель общества Арсений Рогинский в начале 1990-х гг. входил в состав рабочей группы по передаче документов ФСБ на государственное хранение (проект практически не был реализован – в нескольких городах удалось лишь передать в архивы следственные дела репрессированных). В процессе работы А.Б. Рогинский имел доступ к статистическим отчетам ОГПУ–НКВД–МГБ, которые направлялись из регионов в отдел центральной регистратуры (1-й Спецотдел).

На основе этих данных А.Б. Рогинский определил следующие цифры: 7 489 тыс. человек всего привлеченных органами, из них 6 247 тыс. были арестованы и осуждены. Из указанного числа 2,7 млн человек были осуждены органами ОГПУ–НКВД (т.е. во внесудебном порядке – без участия суда и прокуратуры). Также было около 6 млн репрессированных в административном порядке – высланных и депортированных по национальному признаку. Всего – 11–11,5 млн человек [3, 4]. А.Б. Рогинский называет свои данные достоверными, но не окончательными, по двум причинам: 1) вероятный двойной или тройной учет одних и тех же людей в разных регионах (в течение 1920-х гг. не было единых стандартов оформления отчетов); 2) неполнота данных до 1922 г. На этой точке зрения основывался «Мемориал» при своих подсчетах 20% известных имен.

Узнать 100% имен не представляется возможным по многим причинам: многие следственные дела до сих пор находятся на хранении в ведомственных архивах и недоступны для изучения, часть людей не реабилитированы или им в реабилитации отказано – в случае, если дело было на несколько человек, и остальные его фигуранты реабилитированы, оно остается полностью закрытым как для родственников, так и для исследователей. Многие материалы, особенно о начале 1920-х гг., безвозвратно утеряны, информация о репрессированных после смерти Сталина недоступна в полной мере из-за действия закона «О персональных данных». Информация во многих существующих списках представлена очень фрагментарно, часть списков создана на основе информации о конкретной группе репрессированных (например, только расстрелянные). Отметим, что не существует более полного открытого источника, содержащего персональные данные, чем «Книги памяти». Следовательно, использование их материалов в исследовании представляется перспективным.

Проблема создания единого банка данных по репрессированным на территории бывшего СССР не один раз становилась основной темой обсуждения тематических научных конференций. В 2001 г. В.М. Кириллов предлагал объединить усилия различных

структур – российского «Мемориала», областных управлений УВД, ФСБ, региональных архивов, университетских лабораторий – для создания единой базы данных жертв террора. Эти организации могли бы функционировать по выработанному плану и поэтапно собирать информацию о репрессированных [5]. Однако при определении общих принципов, которые должны лежать в основе подобной работы, возникает ряд проблем, с которыми, прежде всего, сталкиваются составители «Книг памяти»:

- отсутствие общего мнения по вопросу о том, какие сведения и на какие группы лиц должны быть в обязательном порядке включены в базу. К примеру, томский исследователь В.Н. Уйманов вступает в заочную полемику с Е.В. Кодиным, автором монографии «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг.», доказывая, что люди, освобожденные по итогам следствия или оправданные судом за отсутствием состава преступления, должны учитываться в базе данных о репрессированных, так как они наравне с теми, кто был осужден к реальным срокам, являлись жертвами террора [6. С. 103–105];

- фрагментарность сведений из-за недостатка данных по некоторым регионам (Белоруссия, Украина, Казахстан), а также их малой информативности (Киргизия, Узбекистан). Некоторые бывшие союзные республики полностью отсутствуют в материалах «Книг памяти», или же сведения по ним не могут быть перенесены в общую базу данных, так как не имеют аналогов на русском языке (страны Балтии, Украина, Молдова);

- проведение процесса реабилитации, вторая крупная волна которого началась в СССР в 1989 г. и продолжается в Российской Федерации до настоящего времени. Специалисты общества «Мемориал» отмечают, что материалы о реабилитации далеко не всегда попадают в «Книги памяти», так как акт о реабилитации подшивается к архивному делу, а сведения о ней могут получить только родственники репрессированного на основании запроса. Во многих регионах в процессе реабилитации приоритет отдается тем, кто был осужден по ст. 58, затем идут дела осужденных по ст. 58 в сочетании с другими, неполитическими статьями [7. С. 72]. Сложнее всего дело обстоит с репрессированными в административном порядке. Реабилитация этих категорий происходит только по личным заявлениям граждан, поэтому огромная часть пострадавших остается вне процесса реабилитации;

- процесс подготовки и издания региональных «Книг памяти» остается делом регионов, так как в России не существует единой государственной программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, несмотря на принятие 15 августа 2015 г. «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», которая спустя три года после начала реализации не демонстрирует существенных результатов ее применения (самым главным результатом можно считать открытие общенационального мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби», прошедшего при участии президента РФ). Каждая региональная организация,

занимающаяся изданием «Книг памяти», включает в них разный набор сведений – к примеру, по Москве списки жертв включают имена только тех людей, которые были приговорены к ВМН (расстрелу). В Брянской, Вологодской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Челябинской областях материалы «Книг памяти» подготовлены, но не издаются из-за отсутствия финансирования [Там же. С. 72]. Республике Тыва, Ингушской, Карачаево-Черкесской и Чеченской республиках о работе над «Книгами памяти» специалистам «Мемориала» ничего не известно [8];

- не существует единых стандартов при составлении справок на репрессированных: количество сообщаемых в «Книгах памяти» сведений варьирует в зависимости от того, какие источники были доступны составителям и какие сведения они считали наиболее важными [Там же. С. 1]. Во многих регионах следственные дела не переданы на постоянное хранение в региональные и муниципальные архивы, а доступ к архивам ФСБ и МВД все еще остается затруднен, поэтому при создании «Книг памяти» требуется консолидация усилий различных организаций.

В определенной мере решить указанные проблемы получилось у создателей «Открытого списка» [9] – общедоступной базы данных жертв политических репрессий (3 189 365 записей). Разработчиками был создан унифицированный формуляр, содержащий 18 биографических параметров и 16 полей для записи информации об аресте, осуждении, реабилитации и источниках информации (с возможностью добавить до шести арестов). Этот формуляр применяется в четырех национальных разделах на национальных языках – русском, украинском, белорусском и грузинском. Основу сведений «Открытого списка» составляют данные базы «Мемориала» (около 87%), собственный вклад участников проекта состоит в добавлении «Книг памяти», не вошедших в базу «Мемориала». Важной составляющей базы являются сведения, не вошедшие в «Книги памяти», которые ежедневно добавляют родственники репрессированных, – таким образом в базе появляются не только новые имена, но и дополняются и уточняются внесенные ранее данные. На страницах проекта также предусмотрена возможность публикации воспоминаний, фотографий и документов о репрессированных. Совместно с Государственным архивом Российской Федерации «Открытый список» составляет «Книгу памяти» репрессированных москвичей. В нее войдет более 64 тыс. имен, ранее не учтенных ни в каких списках.

Благодаря единообразию организации информации и удобному поиску в будущем такая база может стать таким же источником по изучению биографических данных репрессированных, как и БД «Мемориала». Для этого необходимо нормализовать данные разных «Книг памяти» в рамках одного формуляра и решить проблемы, связанные с частично некорректным импортом данных из разных источников.

Можем ли мы использовать данные «Книг памяти» в качестве исторического источника по изучению репрессий середины 1930-х гг., какие у них есть возможности и ограничения? Для ответа на этот вопрос мы

провели проверку на репрезентативность данных «Книг памяти» по регионам РСФСР за период 1935–1937 гг. (табл. 1). Проверка проводилась следующим образом. Сначала нами было сопоставлено административно-территориальное деление на начало периода (1935) с тем, которое существовало в 1937 г., и с современным, на основе которого создавались «Книги памяти». Двойные названия регионов в таблице отражают наименование области в 1935 г. и наименование региона по «Книгам памяти». Таким образом, было определено, какие существующие в настоящее время области (с определенной долей условности, так как задача выявления точ-

ных границ не входила в цели исследования) входили в состав укрупненных территориальных единиц 1935–1936 гг., с этими единицами соотнесена информация «Книг памяти» разных регионов (поиск производился преимущественно по дате ареста, где она не указана – по дате осуждения последовательно за каждый год). На их основе было установлено, сколько человек пострадало от репрессий в 1935, 1936, 1937 гг. в каждом регионе. Эти данные были сопоставлены с данными доктора исторических наук О.Б. Мозохина [10. С. 327, 334] о численности репрессированных по годам для выявления степени полноты данных Книг памяти.

Таблица 1

Сравнение данных Книг памяти со статистикой О.Б. Мозохина (1935–1937)

Регионы	01.12.1934– 30.06.1937 Мемориал	1935 Мемориал	1935 Мемориал / Мозохин	1936 Мемориал	1936 Мемориал / Мозохин	1937 Мемориал	1937 Мемориал / Мозохин
Северный край – Вологодская обл.	234	92	55,2%	69	212,4%	1 088	19,0%
Северный край – Архангельская обл.	1 063	372		321		3 416	48,3%
Северный край – Коми АССР	6 898	1 300		4 334		5 367	512,6%
Карельская АССР	420	82	нет данных	67	нет данных	5 912	135,2%
Ленинградская обл.	3 963	1 067	10,3%	771	10,1%	25 327	86,1%
Ленинградская обл. – Новгородская обл.	2 227	426		239		7 377	
Ленинградская обл. – Псковская обл.	1 189	411		441		6 323	
Ленинградская обл. – Мурманская обл.	636	191		135		1 749	
Калининская обл.	949	220	13,8%	334	16,6%	5 358	47,1%
Западная обл. – Смоленская обл.	1 296	322	18,8%	444	23,3%	9 975	52,8%
Западная обл. – Орловская обл.	372	201		139		5 520	36,8%
Московская обл. и Москва	3 115	79	3,9%	932	13,6%	13 820	33,4%
Московская обл. – Калужская обл.	810	251		308		4 881	122,5%
Московская обл. – Рязанская обл.	353	135		140		1 091	
Московская обл. – Тульская обл.	44	12		18		230	
Ивановская промышленная обл. (ИПО) – Ярославская обл.	1 357	299	23,7%	604	37,5%	2 283	44,3%
ИПО – Ивановская обл.	нет данных	нет данных		нет данных	0	нет данных	0
ИПО – Владимирская обл.	1 139	406		420	32,9%	3 028	41,2%
ИПО – Костромская обл.	87	2	42,5%	7		973	
Горьковская обл. – Нижегородская обл.	2 888	683		629	43,8%	8 361	79,3%
Горьковская обл. – Республика Марий Эл	326	94		101		549	16,8%
Горьковская обл. – Чувашская АССР (Чувашия)	1 209	442		418		4 432	130,7%
Кировский край – Кировская обл.	1 143	303	19,4%	536	38,6%	3 053	68,7%
Кировский край – Удмуртская ССР (Удмуртия)	736	291		273		2 072	82,1%
Татарская АССР (Татарстан)	2 698	812	46,1%	682	43,7%	8 033	104,7%
Куйбышевская обл.	2 162	554	33,3%	601	44%	9 676	116,7%
Куйбышевская обл. – Ульяновская обл.	435	157		126		2 780	
Куйбышевская обл. – Пензенская обл.	542	235		177		2 426	
Куйбышевская обл. – Мордовская АССР	515	213		138		2 693	78,4%
Воронежская обл.	557	193	4,8%	100	4,8%	1 477	10,7%
Курская обл.	468	89	4,5%	122	6,6%	1 887	16,8%
Крымская АССР (Крым)	1 516	413	24,9%	417	31,4%	4 303	50,6%
Азово-Черноморский край (АЧК) – Ростовская обл.	387	132	1,9%	129	3,5%	820	4,3%
АЧК – Краснодарский край	384	50		109	1,6%	1 705	12,5%
Северо-Кавказский край (СКК) – Кабардино-Балкарская АССР	270	75	15,55%	51	20,2%	2 376	78,3%
СКК – Северо-Осетинская АССР	302	94		154		2 159	94,7%
СКК – Дагестанская АССР	220	2		6		3 377	58,7%
СКК – Карачаево-Черкесская АССР	150	76		41		0	0
СКК – Орджоникидзевский край	1 744	418		506		9 420	65,2%
Сталинградская обл.	372	108	3,5%	169	8,3%	1 249	13,7%
Саратовская обл.	1 800	645	11,1%	618	18,6%	7 918	35,2%
Оренбургская обл.	60	3	0,1%	9	0,7%	4 238	43,1%
Башкирская АССР	1 418	338	18,3%	420	28,3%	9 111	78%
Челябинская обл.	216	45	6,7%	77	12%	1 106	26,1%
Челябинская обл. – Курганская обл.	879	219		313		2 965	

Окончание табл. 1

Регионы	01.12.1934– 30.06.1937 Мемориал	1935 Мемориал	1935 Мемориал / Мозохин	1936 Мемориал	1936 Мемориал / Мозохин	1937 Мемориал	1937 Мемориал / Мозохин
Свердловская обл.	1 204	336	20,4%	378	40,6%	6 101	61,9%
Свердловская обл. – Пермская обл.	2 395	849		606		11 686	
Омская обл.	1 819	460	13,7%	631	25,2%	8 886	36,3%
Омская обл. – Тюменская обл.	247	0		47		4 601	
Западно-Сибирский край (ЗСК) – Алтайский край	1 741	541	14,9%	435	21,9%	15 073	133,2%
ЗСК – Ойротская АО	427	104		160		2 777	
ЗСК – Новосибирская обл.	89	16		25		1 168	26,8%
ЗСК – Кемеровская обл.	355	157		123		2 639	
ЗСК – Томская обл.	1 332	366		377		9 473	
Красноярский край	1 772	439	18%	1 032	46,3%	11 669	94,5%
Красноярский край – Хакасская АО	358	45		155		1 212	
Восточно-Сибирский край (ВСК) – Читинская обл.	651	166	11,6%	135	15,4%	4 742	76,6%
ВСК – Иркутская обл.	1 167	256		259		5 780	58,1%
ВСК – Бурят-Монгольская АССР	220	71		58		806	25,4%
Дальне-Восточный край (ДВК) – Хабаровский край	1 528	436	35,1%	402	72,4%	1 813	46,4%
ДВК – Приморский край	738	121		134		3 204	
ДВК – Камчатский край	132	33		31		118	
ДВК – Амурская обл.	365	112		92		1 536	
ДВК – Магаданская обл.	4 072	1 392		2 680		1 827	
Якутская АССР	173	37	нет данных	71	29,9%	408	63,4%

Сравнение процентных соотношений по годам показало, что большее количество справок в «Книгах памяти» относится к 1937 г. Это связано с методикой создания книг: в некоторых регионах в списки включали преимущественно жертв Большого террора как самой массовой репрессивной акции. К таким книгам относятся: «Ленинградский мартиролог» (кроме 5-го тома), списки, составленные в Москве: расстрелянных на Бутовском полигоне и в Коммунарке, захороненных на Ваганьковском, Донском кладбищах и на территории Яузской больницы, Книга памяти Тюменской обл., включающая только имена расстрелянных, Книги памяти кавказских республик – Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана. В Коми, Карелии, Татарстане, Самарской области и Алтайском крае количество справок в «Книгах памяти» превышает количество репрессированных, приведенное в статистике О.Б. Мозохина. Одной из вероятных причин этого является влияние изменения административно-территориальных границ на подсчет количества жертв в конкретном регионе. Количество справок может варьировать в зависимости от того, учитывались старые или современные границы области. Например, внешние границы Республики Алтай не изменялись на протяжении советского периода. В Алтайском крае в рассматриваемый нами период было два района – Кочковский и Андреевский, – в 1939 и в 1944 гг. соответственно переданных в Новосибирскую область. Часть сведений о репрессированных в годы Большого террора (вероятно, малая) после разделения Западно-Сибирского края в сентябре 1937 г. отложилась в Книгах памяти Алтайского края, но большая часть зафиксирована в Книгах памяти Новосибирской области. За более ранний период в них нет записей о репрессированных в указанных районах. Также на переучет сведений влияло то, что составители «Книг памяти» могли вносить сведения о тех, кто проживал и был арестован на данной терри-

тории, о тех, кто был на ней реабилитирован, или о тех, кто родился в этом регионе – количество справок в Книгах последнего типа существенно больше.

На пропуски в данных некоторых «Книг памяти» влияют проблемы их составления, с которыми сталкиваются составители из всех регионов, где не налажена скоординированная работа общественных и ведомственных организаций по сохранению памяти жертв репрессий. Указанные причины (в особенности перво-степенный учет осужденных в годы Большого террора) повлияли и на количество справок о репрессированных в 1935–1936 гг. Их количество, за редким исключением, едва доходит до 40% от региональной статистики жертв репрессий, приведенной О.Б. Мозохиним. В целом по РСФСР, согласно «Книгам памяти», мы располагаем данными о 9,7% информации по 1935 г. и 19% – по 1936 г. (для сравнения по 1937 г. эта доля составляет 31,5%). Это ставит вопрос о правомерности использования «Книг памяти» как источника для изучения репрессий периода 1935 – первой половины 1937 г. Остановимся на данном аспекте подробнее.

Из табл. 1, видно, что среди представленных регионов в 1935 г. в Северном крае, Горьковской области, Свердловской области и Дальневосточном крае количество справок за 1935–1936 гг. относительно общей статистики репрессий выше, чем в других регионах. Чем это объясняется? В составе указанных областей в рассматриваемый период находились территории нескольких современных регионов, в которых «Книги памяти» имеют свои особенности учета репрессированных. Так, в Республике Коми (5 декабря 1936 г. выделена из состава Северного края как Коми АССР) в 12-томнике «Покаяние» собрана информация не только о репрессированных на территории республики (39 800 имен), но и о 20 тыс. граждан, высланных с территории Польши, 10 тыс. заключенных Ухто-Печорского лагеря [11. С. 79] (не все из них были арестова-

ны или до ареста проживали на территории Коми). При составлении «Книг памяти» Нижегородской (Горьковской) области учитывалось административно-территориальное деление 1920–1950-х гг.; вероятно, в статистику (1935–1936) могли попасть те, кто был арестован и осужден на территории будущих Чувашской и Марийской АССР. Всего в нижегородской «Книге памяти» учтено 40 тыс. имен за период с 1920 г. до начала 1950-х гг. [12. С. 12]. Составители пермской «Книги памяти», напротив, учитывали современное административно-территориальное деление, однако в их сведения включены имена более 2 200 граждан, отбывавших наказание на территории будущей Пермской области (образована в 1938 г.) и осужденных вторично (которые, очевидно, при первом аресте были учтены в Книгах других регионов). Всего в пяти томах книги содержится 35 тыс. имен репрессированных [11. С. 80]. При составлении Книги памяти Магаданской области учитывались только расстрелянные на территории региона. Всего в книге 7,5 тыс. имен, причем дата ареста обозначена лишь годом без указания дня и месяца [13] (это может вызывать недоучет справок по запросу на конкретные даты при фактическом наличии их в базе; подобную ситуацию мы наблюдаем при обращении к «Книге памяти» Московской облАСТИ, в которой в биографических карточках не указаны годы ареста и осуждения).

Указанные регионы (кроме Нижегородского края) в 1935 – начале 1937 г. не существовали как самостоятельные территориальные единицы. Статистика О.Б. Мозохина позволяет сравнить наполненность «Книг памяти» только по укрупненным регионам, однако очевидно, что в каждом из них определенная Книга памяти «стягивает» большую часть информации на себя. К примеру, в Северном крае в 1936 г. на территории будущей Вологодской области, согласно данным «Книги памяти», было репрессировано 69 человек, в то время как на территории Коми – 4 334. Очевидна неполнота сведений вологодской Книги, следовательно, основываясь в основном на данных по Коми, мы не можем изучать весь Северный край в 1935–1936 гг. как репрезентативную совокупность. То же самое можно сказать и про другие рассмотренные выше укрупненные регионы (что не умаляет самоценность изучения отдельных «Книг памяти» при предварительной проверке полноты их данных).

На материалах 1935 – начала 1937 г. мы можем изучать не каждый отдельный регион в рамках укрупненных регионов. В регионах, где выявляется малый процент данных о жертвах относительно опубликованных источников, необходим предварительный источниковедческий анализ их «Книг памяти»: насколько полно отражают данные «Книг памяти» разные периоды репрессий, а также обязательное сравнение с опубликованной региональной статистикой. К примеру, относительно ровное распределение количества репрессированных в 1935–1936 гг. и 1937 г. по отношению к опубликованным данным наблюдается в «Книге памяти» Татарстана; чуть больший перекося заметен в «Книге памяти» Самарской области (см. табл. 1). Если принять во внимание, что в книгах учитывались

все репрессированные на территории области в ее старых границах (а в Самарской области еще и те, кто был репрессирован в других областях, но после реабилитации жил в Самарской области), то, проведя предварительную выборку данных по местам осуждения, эти книги можно использовать для изучения коллективного портрета репрессированных в 1935–1936 гг.

Рассмотрим подробнее отдельно взятый регион – Западно-Сибирский край (ЗСК). В годы Большого террора на этот регион был выделен второй по величине лимит на аресты после Москвы и Московской области: 17 тыс. человек, из них 5 тыс. – по первой категории (расстрел) и 12 тыс. – по второй (заключение в лагеря на срок 8–10 лет) [14. С. 147]. Для объяснения того, что привело здесь к такому масштабу террора в 1937–1938 гг., необходимо изучение процессов предыдущего периода.

ЗСК был образован в 1930 г. В 1935–1936 гг. в его состав входили территории Новосибирской области (образована в сентябре 1937 г.), Алтайского края и Ойротской АО (образованы как единая территориальная единица в сентябре 1937 г., два района переданы в Новосибирскую область в 1939 и 1944 гг.), Томской (выделена из состава Новосибирской области в 1944 г.) и Кемеровской (выделена из состава Новосибирской области в 1943 г.) областей. Территориальные границы областей в дальнейшем менялись незначительно.

Обратимся к табл. 2, которая показывает «степень репрессий» в укрупненных регионах в 1935–1936 гг. Она рассчитывалась как отношение количества репрессированных по регионам по данным статистики О.Б. Мозохина к общей численности населения региона по материалам переписи 1937 г. При сопоставлении регионов были учтены изменения в административно-территориальном делении, произошедшие с декабря 1936 г. до подведения итогов переписи. В двух последних столбцах представлена «степень репрессий» относительно данных по численности населения по переписи 1939 г.: с учетом молодежи от 15 до 19 лет и без возрастных категорий до 20 лет. Было также сопоставлено административно-территориальное деление.

Данные табл. 2 показывают, что «степень репрессий» в ЗСК относительно других регионов невелика: 1,99 человек на тысячу населения. Показатели Северо-Кавказского, Азово-Черноморского краев, Ленинградской области, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев значительно превышают соответствующий показатель ЗСК. Это говорит о том, что выбор целого края по «степени репрессий» не обоснован. Кроме того, согласно сказанному выше, мы не можем использовать «Книги памяти» для изучения коллективной биографии репрессированных на примере укрупненных регионов.

«Степень репрессий» относительно только взрослого населения в некоторых регионах относительно выше данных, полученных в сравнении со «степенью репрессий», подсчитанной по материалам переписи 1937 г. По этим показателям ЗСК находится на 8-м месте (самая высокая «степень репрессий» в Дальневосточном крае, Саратовской области и Ленинграде). Это надо пояснить. Вероятно, влияние на «степень

репрессий» оказывал национальный фактор, связанный с вхождением в состав Саратовской области района с локализацией преимущественно немецкого населения, с 5 декабря 1936 г. – АССР немцев Поволжья. Данные же по численности населения Ленинграда и области расходятся в переписях 1937 и 1939 гг. почти на 3 млн человек. Выявление причины такого расхождения является предметом отдельного исследования и не рассматривается в рамках данной статьи. Следовательно, указанная «степень репрессий» по Ленинграду и области в 1937 г. может быть завышенной. Известно, что данные переписи 1939 г. завышены, переучет населения составил почти 3 млн чел., также за счет военнослужащих и заключенных изменена числен-

ность населения некоторых регионов (например, реальная численность населения Алтайского края составляла не 2 498 597, а 2 446 127 чел.), однако это единственный источник, содержащий разделение населения на возрастные группы [15. С. 8–9]. Дети до 12 лет не могли стать прямым объектом репрессий (только как дети репрессированных родителей), процент несовершеннолетних среди всех политических репрессированных относительно невелик (например, на Алтае были репрессированы 3 человека в возрасте до 20 лет из 2 168). Следовательно, более точный подсчет «степени репрессий» получается при исключении возрастной группы до 20 лет из общего количества населения.

Таблица 2

«Степень репрессий» по укрупненным регионам в 1935–1936 гг. [10. С. 327, 334; 15. С. 29–32; 16. С. 42–45]

Регион	Кол-во репрессированных (1935–1936)	Численность населения по переписи 1937	Репрессировано на 1 000 чел. населения (по данным 1937)	Репрессировано на 1 000 населения (1939, от 15 лет и старше)	Репрессировано на 1 000 населения (1939, от 20 лет и старше)
Азово-Черноморский край	15 726	5 601 759	2,81	1,75	1,85
Башкирская АССР	3 334	2 956 778	1,13	1,88	2,17
Воронежская обл.	6 155	6 086 834	1,01	2,79	3,19
Восточно-Сибирский край	7 209	1 897 049	3,80	3,83	4,47
Горьковская обл.	7 378	4 706 966	1,57	2,15	2,51
Дальне-Восточный край	10 577	2 602 189	4,60	6,68	7,61
Западная обл.	5 286	4 693 495	1,13	1,44	1,72
Западно-Сибирский край	13 090	6 584 191	1,99	3,35	4,00
Ивановская промышленная обл. (с Ярославской обл.)	5 897	4 716 225	1,25	1,86	2,17
Калининская обл.	3 607	3 220 664	1,12	1,74	2,04
Кировский край	5 153	4 252 347	1,21	2,42	2,67
Красноярский край	5 252	2 064 932	2,54	4,39	5,21
Крымская АССР	2 985	994 798	3,00	3,96	4,55
Куйбышевская обл.	5 846	5 140 258	1,14	1,68	1,96
Курская обл.	3 836	4 166 636	0,92	2,02	2,39
Ленинградская обл.	28 322	9 646 217	2,94	5,95	6,85
Московская обл. и Москва	27 636	15 769 445	1,75	3,07	3,79
Омская обл.	6 054	2 330 420	2,6	4,31	5,10
Оренбургская обл.	3 449	1 566 010	2,2	3,46	3,97
Саратовская обл.	9 156	2 375 939	3,85	6,01	6,95
Свердловская обл.	8 249	4 126 450	2,00	2,76	3,17
Северный край	5 419	2 571 569	2,11	2,67	3,14
Северо-Кавказский край	8 036	2 757 901	2,91	3,01	3,44
Сталинградская обл.	5 266	2 224 797	2,37	3,52	3,97
Татарская АССР	3 325	2 735 685	1,22	1,99	2,31
Челябинская обл.	7 181	2 768 565	2,59	4,13	4,75

Остановимся подробнее на рассмотрении «Книг памяти» пяти регионов, входивших в состав ЗСК.

В пяти томах «Книги памяти» Томской области собраны сведения о более чем 21 300 уроженцах и жителях нынешней территории области. В тома включены только осужденные по ст. 58 УК РСФСР [11. С. 72–73]. По данным составителя книги В. Уйманова, в Томской области в 1935 г. были арестованы 366 чел. (100% к данным Книги памяти), в 1936 г. – 376 чел. (100,3%) и в первой половине 1937 г. – 541 чел. (101,1%) [17. С. 99]. Следовательно, репрезентативность томских «Книг памяти» очень высока, и они пригодны для изучения как самостоятельный источник.

В Новосибирской области четыре тома «Книги памяти» (по материалам базы данных «Мемориала» 2017 г.) включают в себя 12 тыс. биографических справок. В материалы 3-го тома входит 3 тыс. справок о «рас-

кулаченных», основанных на материалах ИЦ УВД по Томской области [18. С. 3]. Автоматизированная работа с данными всех четырех томов пока не представляется возможной, так как на сайте базы данных «Мемориала» еще не запущен поиск по определенной «Книге памяти», и невозможно проверить, сколько человек за 1935–1936 гг. внесены в четвертый том.

В сопроводительной статье ко 2-му тому «Книги памяти» Новосибирской области составители отметили, что на момент составления Книги ими одновременно создавалась база данных по персональным спискам, следовательно, еще не был ясен истинный масштаб репрессий в регионе [19. С. 15]. За весь 1937 г., согласно табл. 1, в Новосибирской области (в современных границах) было арестовано 1 168 чел. Ясно, эта цифра неполна (хотя и очевидно, что мы не можем знать данные каждого конкретного осужденного): к при-

меру, только по состоянию на 5 октября 1937 г. с начала Большого террора по Новосибирскому оперсектору НКВД были осуждены 2 653 чел. [19. С. 249]. Сравним с цифрами по Книгам Томской и Кемеровской областей – 9 473 и 2 639 чел. соответственно. Сумма данных по трем Книгам составляет 26,8% от количества репрессированных по статистике О.Б. Мозохина (приводимое им количество в 49 594 чел., вероятно, включает в себя осужденных по делу РОВС, которые шли сверх лимитов – к 1 января 1938 г. в Новосибирской обл. было 22 108 таких осужденных [14. С. 155]). Очевидна неполнота данных новосибирской Книги, следовательно, она не может использоваться как самостоятельный источник изучения.

В Кемеровской области основные работы по истории репрессий и лагерей Кузбасса принадлежат Л.И. Гвоздковой [20], она же является составителем «Книг памяти» и автором вступительных статей к ним [21], остальные работы (очерки, воспоминания) носят публицистический характер [22]. Всего в два тома Книги, изданных в 1995 и 1996 гг., входит 6 173 имени. В предисловии ко второму тому «Книги памяти» Л.И. Гвоздкова пишет, что в 1930–1950-е гг. репрессиям на территории области подверглись более 150 тыс. чел., проходивших по 34 тыс. уголовным делам [21. С. 3] (для сравнения в Алтайском крае по 31 тыс. дел проходили 46 226 чел. [23. С. 444] за весь ленинский и сталинский период). Такая цифра по Кемеровской области кажется нам неоправданно завышенной даже в случае, если под «нашим регионом» во вступительной статье имеется в виду Кемеровская область вместе с Новосибирской (до 1943 г.) или с учетом заключенных лагерей Кузбасса, часть из которых была осуждена в других области. Здесь мы также не можем доверять данным Л.И. Гвоздковой, так как численность заключенных лагерей Кузбасса оценивается ей в 1,3 млн чел. за 1936–1955 гг. путем последовательного сложения численности заключенных каждого года [20. С. 480]. В статье В.Н. Уйманова приводится численность репрессированных в Кемеровской области в 1931–1941 гг. на основании данных кандидата исторических наук В. Онищенко – 27 787 чел. [24. С. 106]. Указанное количество репрессированных, превышающее данные каждого из регионов в отдельности, входивших в состав ЗСК в рассматриваемый период, также ничем не подтверждена.

Для региональных исследований иногда характерно приведение завышенного неподтвержденного документами количества репрессированных. Например, алтайский исследователь Н.А. Ширшев пишет о более чем 35 млн чел., осужденных в советские годы «судами и военными трибуналами», из которых на Алтай приходится 150 тыс. чел. Он же проводит анализ социального портрета репрессированного в Барнауле, основываясь на данных сборника документов «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965». По данным Н.А. Ширшева, в Барнауле с 1919 по 1945 г. были репрессированы 516 чел., однако в указанном сборнике на с. 382 указана цифра 2 318 чел. в период с 1920 по 1965 г. [25. С. 360]. Н.В. Вохменцева, описывая репрессии в Республике Алтай, называет еще

более нереалистичные цифры: 50 тыс. чел. только по Горно-Алтайску и 300 тыс. чел. – в общем по Республике Алтай [26. С. 63]. Следовательно, мы не можем с полной уверенностью делать вывод о репрезентативности «Книг памяти» Кемеровской области на основании имеющейся статистики. Учитывая, что более четверти из всех биографических справок в указанных книгах относится к Большому террору, мы полагаем, в них наблюдается некоторый «перекос» сведений относительно других волн репрессий сталинского периода.

Несмотря на то, что мы не располагаем статистикой по количеству жертв репрессий в Кемеровской области по годам, мы полагаем, что областные «Книги памяти» за 1935–1937 гг. репрезентативны. Их данные сопоставимы с количеством жертв репрессий в указанные годы в Ойротской АО. Тем не менее при отсутствии региональной статистики мы не можем использовать «Книги памяти» Кемеровской области как самостоятельный источник.

В 7 томах «Книги памяти» Алтайского края [27], созданной на основе базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», содержатся имена 46 226 человек. База данных была создана специалистами управления архивного дела Алтайского края в ходе подготовки издания «Книг памяти» по материалам судебно-следственных дел фонда Р-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю». В 1992–2005 гг. судебно-следственные дела по Алтайскому краю были переданы из управления ФСБ на хранение в государственный архив. Часть дел на граждан, не подлежащих реабилитации, а также групповые дела, в которых реабилитированы не все фигуранты дела, остаются на хранении в УФСБ [23. С. 444].

Сопоставим данные опубликованной статистики репрессий по годам с данными «Книг памяти». В 1935 г. арестованы 557 чел. (97,1% к «Книгам памяти»), в 1936 г. – 406 чел. (107,1%), в первой половине 1937 г. – 647 чел. (108%) [28. С. 130, 380]. Вероятно, в историографии могли быть не учтены люди, приговоренные в других регионах, но чья жизнь так или иначе была связана с Алтаем, поэтому их следственные дела отложились в архиве Алтайского края. Это могло стать причиной появления незначительных расхождений в численности репрессированных согласно БД «Мемориала» и данных историографии. Таким образом, «Книги памяти» Алтайского края за 1935–1936 гг. являются репрезентативным самостоятельным источником.

В Республике Алтай (в 1922–1948 гг. – Ойротской АО), по данным трех томов «Книг памяти» [29], за годы советской власти были репрессированы 7 413 чел. Для нас этот источник является единственным по персональным данным репрессированных, так как мы не располагаем другими документами или статистическими сведениями о репрессированных (единственная статистика приведена в 3-м томе «Книги памяти» на основе анализа ее данных, а также двух предыдущих томов). Мы полагаем, что данные за 1935 – начало 1937 г. можно использовать вместе с информацией «Книг памяти» Алтайского края, так как с 1937 г. территории Алтая и Ойротской АО составили единый

регион. Вероятно, и в предыдущий период политика, проводимая центром (Западно-Сибирским Крайком ВКП(б)) в отношении двух регионов была схожей.

Рассмотрев отдельно «Книги памяти» регионов, входивших в Западно-Сибирский край, мы приходим к выводу, что изучение социального портрета репрессированных в этом регионе на материалах «Книг памяти» 1935–1936 гг. не может дать репрезентативных результатов по причине неполноты сведений «Книги памяти» Новосибирской области и невозможности проверки репрезентативности данных «Книги памяти» Кемеровской области. Следовательно, рассматривая репрессии на территории ЗСК в 1935 – начале 1937 г., мы можем обращаться только к отдельным частям общего массива «Книг памяти» этого макрорегиона. Для такого исследования мы можем использовать данные Томской области и Алтайского края (вместе с Ойротской АО).

В целом «Книги памяти» являются источником, содержащим в себе богатый информационный потенциал. То, что их сведения собраны воедино в базе данных «Мемориала», существенно облегчает и структурирует работу с этим источником. Однако анализ полноты сведений «Книг памяти» за период 1935–1937 гг. показал, что далеко не все из них могут быть использованы для составления коллективной биографии репрессированных данного периода. Необходимо изучение структуры и методов создания каждой конкретной Книги для каждого отдельного региона, а также сравнение с данными опубликованной статистики жертв репрессий. На примере «Книг памяти» мы также не можем изучать укрупненные регионы середины 1930-х гг. для анализа политических репрессий накануне Большого террора, а вынуждены выбирать «Книги памяти» только отдельных территориальных единиц, входивших в состав укрупненных регионов.

Список источников

1. Жертвы политического террора в СССР. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. 728 с.
3. Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921–1953 // Демоскоп weekly : электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2007. 10–31 дек. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>
4. Жемкова Е.Б. Масштабы советского политического террора // Справочные материалы к базе данных «Жертвы политического террора в СССР». URL: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf>
5. Кириллов В.М. Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий // Проблемы создания ЕЭБД жертв полит. репрессий в пределах СССР : сб. докладов международной научно-практ. конф., Н. Тагил, 18–21 мая 2000 г. / под ред. В. М. Кириллова. – Н. Тагил : НТГПИ, 2001. С. 13–18.
6. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 103–106
7. Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 71–75
8. Справка о возможности использования существующих на сегодняшний день информационных ресурсов о жертвах политических репрессий при создании Единой электронной Книги памяти (базы данных). 58 с. // Историческая память. XX век : государственный террор и политические репрессии в СССР. URL: istramyat.ru/wp-content/uploads/2017/05/knigi_pamyati.pdf
9. «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР. URL: <https://openlist.wiki/>
10. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М. : Кучково поле, 2006. 480 с.
11. Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5 (5). С. 71–85
12. Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле / МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Н. Новгород, 2012. URL: <http://www.gorbiobl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprssii.doc>
13. За нами придут корабли : список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан : Магадан. Кн. изд-во, 1999. 215 с. URL: <http://old.memo.ru/library/bkmemory/magadan.htm>
14. Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг. : историко-статистическое исследование. Барнаул : Азбука, 2015. 255 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256 с.
16. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сб. документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 319 с.
17. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск : Взд-во Том. ун-та, 1995. 334 с.
18. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск : Nonparel, 2010. Вып. 3. 525 с.
19. Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2008. Вып. 2. 624 с.
20. Гвоздиков Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
21. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Кемерово : Полиграфкомбинат, 1996. Т. 2. 554 с.
22. Павлов С.М. Кузбасская Голгофа : (очерки о политических репрессиях). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 367 с.
23. Жданова Г.Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 444–450.
24. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105–110.
25. Ширшев Н.А. Сборник документов «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» как источник изучения репрессивной политики советского государства в 1919–1950-е гг. // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим : тез. X Всерос. студенческой науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7–8 апреля 2017 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 360–362.
26. Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30–50-е гг. XX века в документах и фактах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 62–67.
27. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае : (Книга памяти) : [в 7 т.]. Барнаул : Упр. арх. дела админ. Алт. края, 1998.
28. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / под ред. Г.Н. Безрукова. Барнаул : Админ. Алт. края : Упр. арх. дела админ. Алт. края, 2005. 432 с.

29. Книга памяти жертв политических репрессий : Республика Алтай : [в 3 т.] / сост.: П.И. Чепкин, О.Н. Вразовская, Т.А. Бурак. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1996.

References

1. Rachinskiy, Ya.Z. et al. (2007) *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. 4th ed. Moscow: Zveniya (CD-ROM).
2. Vert, N. & Mironenko, S.V. (2004) *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t.* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collected documents: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
3. Okhotin, N.G. & Roginskiy, A.B. (2007) O masshtabe politicheskikh repressiy v SSSR pri Staline: 1921–1953 [On the scale of political repressions in the USSR under Stalin: 1921–1953]. *Demoskop weekly*. 10th –31st December. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>
4. Zhemkova, E.B. (n.d.) Masshtaby sovetskogo politicheskogo terrora [The scale of Soviet political terror]. In: *Spravochnye materialy k baze dannykh "Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR"* [Reference materials to the database "Victims of political terror"]. [Online] Available from: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf>
5. Kirillov, V.M. (2001) Problemy sozdaniya edinogo elektronnoy bazy dannykh zhertv politicheskikh repressiy [Problems of creating a unified electronic database of victims of political repressions]. In: Kirillov, V. M. (2001) *Problemy sozdaniya EEBD zhertv polit, repressiy v predelakh SSSR* [Problems of creating the unified electronic database of victims of political repressions within the USSR]. Nizhnyy Tagil: NTSP. pp. 13–18.
6. Uymanov, V.N. (2012) Opyt sozdaniya elektronnoy bazy dannykh repressirovannykh na territorii Tomskoy oblasti [Creating an electronic database of the repressed on the territory of the Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 103–106
7. Putilova, E.G. (2010) Problema uvekovecheniya pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Rossii (II polovina 1980-kh – nachalo 2000-kh gg.) [The problem of perpetuating the memory of victims of political repression in Russia (the second half of the 1980s – early 2000s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9(99). pp. 71–75
8. Anon. (n.d.) *Spravka o vozmozhnosti ispol'zovaniya sushchestvuyushchikh na segodnyashniy den' informatsionnykh resursov o zhertvakh politicheskikh repressiy pri sozdanii Edinoy elektronnoy Knigi pamyati (bazy dannykh)* [Information about the possibility of using the currently existing information resources about the victims of political repression for the Unified Electronic Book of Memory (database)]. [Online] Available from: istpamyat.ru/wp-content/uploads/2017/05/knigi_pamyati.pdf
9. Wiki. (n.d.) *"Otkrytyy spisok" zhertv politicheskikh repressiy v SSSR* [An "open list" of victims of political repression in the USSR]. [Online] Available from: <https://openlist.wiki/>
10. Mozokhin, O.B. (2006) *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918–1953)* [The right to reprisals. Extrajudicial powers of state security organs (1918–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole.
11. Kirillov, V.M. (2011) *Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy: istoriografiya i metodologiya* [Books in Memory of Victims of Political Repressions: Historiography and Methodology]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5(5). pp. 71–85
12. Favorskaya, I.M. (2012) Deyatel'nost' po vosstanovleniyu prav i uvekovecheniyu pamyati nizhegorodtsev – zhertv repressiy [Activities to restore the rights and perpetuate the memory of Nizhny Novgorod residents – victims of repression]. In: Kucherovala, T.V. & Shakhmaykina, N.P. *Politicheskie repressii na Nizhegorodskoy zemle* [Political repressions on the Nizhny Novgorod land]. Nizhny Novgorod: [s.n.]. [Online] Available from: <http://www.goribibl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprsii.doc>
13. Abramov, S.V. (ed.) (1999) *Na nami pridut korabli: spisok reabilitirovannykh lits, smertnye prigovory v otnoshenii kotorykh privedeny v ispolnenie na territorii Magadanskoy oblasti* [Ships will come for us: a list of rehabilitated persons whose death sentences were carried out on the territory of Magadan Region]. Magadan: Magadan kn. izd-vo. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/library/bkmemory/magadan.htm>
14. Zhdanova, G.D. (2015) *Politicheskie repressii na Altae 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Political repressions in Altai 1919–1938: a historical and statistical research]. Barnaul: Azbuka.
15. Polyakov, Yu.A. (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi* [All-Union population census of 1939. Main results]. Moscow: Nauka.
16. Zhiromskaya, V.B. & Polyakov, Yu.A. (2007) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dokumentov i materialov* [All-Union population census of 1937: general results. Collected documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
17. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo...* [Repression. How it was...]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Krasilnikov, S.A. (2010) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Vol. 3. Novosibirsk: Nonparel'.
19. Papkov, S.A. (ed.) (2008) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Novosibirskoy oblasti* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Vol. 2. Novosibirsk: Sovn.
20. Gvozdkova, L.I. (1997) *Istoriya repressiy i stalinskikh lagerey v Kuzbasse* [History of Repressions and Stalin's Camps in Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
21. Gvozdkova, L.I. (1996) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Kemerovskoy oblasti* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions of Kemerovo Region]. Vol. 2. Kemerovo: Poligrafkombinat.
22. Pavlov, S.M. (2008) *Kuzbasskaya Golgofa: (ocherki o politicheskikh repressiyakh)* [The Kuzbass Calvary: (essays on political repressions)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
23. Zhdanova, G.D. (2011) Problemy obespecheniya sokhrannosti i ispol'zovaniya sudebno-sledstvennykh del [Problems of ensuring the safety and use of judicial investigation cases]. In: Kodina, E.V. (2011) *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: Repressed Russian Province]. Moscow: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN); Fond "B.N. Eltsin Presidential Center." pp. 444–450.
24. Uymanov, V.N. (2012) Natsional'nyy sostav repressirovannykh na territorii Zapadnoy Sibiri v 1931–1941 gg. [Ethnic composition of the repressed on the territory of Western Siberia in 1931–1941]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 105–110.
25. Shirshov, N.A. (2017) Sbornik dokumentov "Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae" kak istochnik izucheniya repressivnoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1919–1950-e gg. [The collected documents "Victims of political repressions in the Altai Territory" as a source for studying the repressive policy of the Soviet state in the 1919–1950s]. *Dokument v sovremennom obshchestve: mezhdru proshlym i budushchim* [Document in the Contemporary Society: Between the Past and the Future]. Proc. of the 10th All-Russian Students' Conference. Ekaterinburg, April 7–8, 2017. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 360–362.
26. Volkmentseva, N.V. (2015) Poles in the Altai mountains in 1930–1950 in documents and facts. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(9). pp. 62–67. (In Russian).
27. Tarabaev, N.I. (ed.) (1998) *Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae: (Kniga pamyati)* [Victims of political repressions in the Altai Territory: (The Book of Memory)]. Barnaul: Department of Archival Affairs of the Altai Territory Administration.
28. Bezrukov, G.N. (2005) *Politicheskie repressii v Altayskom krae. 1919–1965* [Political repression in the Altai Territory. 1919–1965]. Barnaul: Altai Territory Administration.
29. Chepkin, P.I. Vrazovskaya, O.N. & Burak, T.A. (1996) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Respublika Altay* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions: Republic of Altai]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer.

Сведения об авторе:

Мишина Екатерина Максимовна – кандидат исторических наук, редактор проекта «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР, сотрудник благотворительного фонда «Протяни руку» (Москва, Россия). E-mail: zyu@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mishina Ekaterina M. – Candidate of Historical Sciences, Editor, the Project “Open List” of Political Terror Victims in the USSR; Fellow-Worker, The Charity Foundation “Give the Hand” (Moscow, Russian Federation). E-mail: zyu@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 10.11.2018; accepted for publication 11.11.2022